

Quo vadis, Historia?

Вместо введения

Конец II тыс. обозначил сам себя в качестве первого этапа складывающегося в глобальном масштабе информационного общества. Действительно, особое значение начинает приобретать распространение информации, которая проникает во все уголки планеты и во все поры человеческого сообщества, резко стимулируя геополитические, макроэкономические и этнокультурные процессы. Однако обратной стороной информационной революции совершенно очевидно является ситуация информационного хаоса. Прошедший двадцатый век оказался не просто «вывихнутым», как назвал его в свое время Ганс Ионас, крупнейший специалист по гностицизму, но и веком-провокатором. Его «новейшая история» развивалась по сценарию, которому, похоже, не было аналогов во всем предшествующем бытии человечества. Достаточно вспомнить «мировые войны», мощный, хотя и хаотичный спурт науки, прорыв в космос, мощные этносоциальные эксперименты марксизма и фашизма, сложное и противоречивое развитие мировых религий, невиданные доселе информационные сражения цивилизаций и народов за право считать свой путь развития «магистральным» для всего человечества.

Все современные цивилизации находятся сейчас в системном кризисе еще и потому, что в «вывихнутом» 20-м веке активно начинается процесс глобализации как сложное взаимодействие всех классических «миров».

Сам термин *globalization* активно ввел в оборот в 1983 г. профессор Гарвардской школы бизнеса Теодор Левитт в статье «Глобализация рынков». Взгляды на истоки глобализации являются дискуссионными. Историки относят начало этого процесса к XII—XIII вв., когда одновременно с началом развития рыночных (капиталистических) отношений в Западной Европе начался бурный рост европейской торговли и формирование «европейской мировой экономики» (выражение И. Валлерстайна). Экономисты ведут отсчет от транснационализации финансовых рынков, политологи делают акцент на распространении демократических организаций, культурологи связывают с вестернизацией культуры. В последнее время популярна концепция глобального общества (*Global society*): все обитатели

планеты являются гражданами единого глобального общества, которое состоит из множества локальных обществ.

Одним из следствий этого является глубокий кризис сферы гуманитарных дисциплин, т. е. дисциплин знания, изучающим человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности.

По объекту, предмету и методологии изучения они часто отождествляются с общественными науками, но противопоставляются естественным и точным. Как считает ряд исследователей, если в последних важна конкретность, то в гуманитарных, если и важна такая точность (например, в описании исторического события), то важна и многогранность и даже безграничность такого описания, чтобы, по возможности, каждый человек находил в нём нечто своё, вплоть до эстетического удовольствия.

Двадцатый век в значительной степени потерял в своей культуре гуманитарную и педагогическую ориентированность и пытался их заменить расистско-фашистскими рецептами, марксистскими идеями, демократическими «ценностями» этноцентризмом или получить помощь от «родственников» (ориентация на ислам). Обилие этих попыток решить проблемы само по себе говорит о растерянности цивилизации, потере цивилизационной ориентации. Примат закона, культ денег, акцент на «правах человека» вкупе с рыночными отношениями и стандартизацией и вульгаризацией культуры скорее усугубляют ситуацию, чем служат в качестве нового «компаса».

В результате «вывихнутый» XX век с его мощными геополитическими и социальными катаклизмами, культурно-идеологическими кризисами, стремлением к максимальной деидеологизации, доходящей до атеизации культуры, снова пересматривает «дорогу истории» и пытается увидеть в потерянных векторах нереализованные, но вполне реализуемые в новых условиях возможности дальнейшего развития.

В то же время, надо отметить, что рубеж тысячелетий стал одним из «переломных моментов» всемирной истории не только в чисто хронологическом смысле, из-за магии смены времени, но и в культурно — идейном плане. В самых различных цивилизациях налицо методологический кризис, когда прежняя номенклатура терминов и понятий, особенно в гуманитарных науках, не справляется с критической массой общественных явлений.

Само одновременное сочетание таких понятий, как «цивилизация», «культура» и «революция» показывает, что самая широкая общественная мысль начинает воспринимать историю не только как временной векторный, вертикальный процесс, идущий «снизу вверх», от «низшего к высшему» (теория Ч. Дарвина), но и анализирует ее «по горизонтали», волей-неволей признавая право на существование не только европейской, но и иных цивилизаций. Эту ситуацию многие историки пытаются изменить путем активного обращения к технологиям и даже методологии точных и естественных наук и это дает некоторые результаты, примером чему может служить особенно успешно развивающаяся и ставшая привлекательной для многих отечественных исследователей синергетика, пассионарная теория Л. Н. Гумилева, фрейдистский подход или работы А. Л. Чижевского.

Синергетика как междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является познание принципов самоорганизации различных систем, фактически является одним из примеров использования прекрасно себя зарекомендовавших в своей сфере физических технологий. Она, вводя понятие динамического хаоса как некоей сверхсложной упорядоченности, формирует новую познавательную ситуацию, в которой человек как субъект рассматривается в виде части мира. Такой подход неизбежен и его даже можно было предвидеть, ибо человек, безусловно, есть неотъемлемая часть природного миропорядка, но в этом плане фактически до сих пор не изучался. Две наиболее известные философии истории, христианская и марксистская, выдергивали человека из этого контекста, что давало немалые возможности для решения социально-политических задач, но до конца все же не объясняло всю сложность исторического процесса.

Естественно, не случайно, что именно в XX в. впервые реально поставлен вопрос о возможности применения научных методов, с помощью которых изучался физический мир, к гуманитарной сфере. Они достаточно успешно применяются в археологии, получили значительное распространение количественные методы и в истории (работы Ковальченко И. Д., Бородкина Л., Измestьева Т. и др.). Уже трудно представить себе историка без компьютера.

Думается, что есть смысл не торопиться с широким применением научных методов, ведь предметом изучения являются не просто природные процессы, а своеобразная аномалия природы – изменчивый человек. В истории, в отличие от физики

или химии, к тому же эксперимент невозможен в принципе. Экспериментальные науки могут дать определенные дополнительные методы, примером тому синергетика, но будущее все же видится за старыми методами, методами цивилизации.

И, разумеется, есть все основания обратиться к опыту религии. Если отбросить как нелепую мысль о том, что какая-то религия и идеология могут играть негативную роль в истории, то религии стоит быть признательным за «славное прошлое». Такое отношение к ним возникает лишь в период их ухода, когда вся вина за разразившийся кризис естественно перекладывается на них. Так возникает представление о некоем «средневековом» периоде, когда общество по неким субъективным причинам выбрало не тот вектор развития. Именно по этой причине никак не могут «отмыться» от обвинений в несправедливом общественном устройстве и господстве неправильных идеологий европейская античность, средние века или советская эпоха.

Здесь соответственно встает еще одна очень важная методологическая проблема. Как уже было сказано, своя философия истории есть у каждой цивилизации, и сейчас идет, как писал Вальтер Беньямин (1892–1940), борьба народов за право регистрировать свою историю. По сути, столкнулись в грандиозной информационной битве именно философии истории различных цивилизаций. На какую из них есть смысл опираться в описании всеобщей истории? Представляется вполне возможным и оправданным использование именно европейской методологии. И дело здесь не только в том, что фактически складывающаяся общепланетарная культура является, если так можно выразиться, латинской и не просто по происхождению. Не только греко-латинская бытовая лексика широко проникла в различные языки, в том числе и восточные, практически все народы на Земле используют преимущественно латинско-европейскую терминологию — научную, общественно-политическую и даже морально-этическую. Вероятно, это не случайно и связано с целым рядом факторов. Европейская культура за время своего существования с помощью религии, торговли и науки широко распространилась по всему земному шару и совершенно не случайно была принята другими народами. Европейская цивилизация молода. Моментом ее «рождения», т. е. окончательного складывания, можно назвать пресловутый V в., когда внешне катастрофообразно произошло объединение «римской» и «варварской» зон и появился «христианский мир». За

полтора тысячелетия своего существования она развивалась очень динамично, постоянно испытывая «вызовы» эндогенного (социальная борьба, политические конфликты, ренессансы, ереси и др.) и экзогенного (информационные интервенции других цивилизаций) характера. Именно то, что она испытывала не столько военные, сколько информационные удары извне, заставляло ее постоянно корректировать свою парадигму. В европейской картине мира оказались фактически соединены картины мира самых различных культур и не только на «авраамическом» пространстве, что само по себе делало ее максимально универсальной, узнаваемой и привлекательной для них. В этом плане есть смысл опасаться европоцентризма в политической сфере, но не в научной. Аналогов европейской терминологии, столь же эффективных, универсальных и точных терминов, никакая другая цивилизация пока еще не создала.

В данной книге в соответствии со сказанным будет обращено внимание лишь на один аспект этой многогранной и сложной проблематики, а именно на роль библейских идей и рецептов в истории классической европейской цивилизации. Хочется надеяться, что этот опыт поможет, не только более адекватно и объективно оценить роль этого текста в истории, но в чем-то будет полезен и при решении некоторых проблем современности.

Глава 1

Цивилизация и религия

Рассмотрение этой проблематики напрямую связано с термином «цивилизация», которое последние полвека «хранилось где-то на задворках нашего коллективного сознания» (выражение Р. Осборна). В настоящее время оно имеет два основных значения — стадияльное и локальное.

Появилось это слово в рамках Просвещения и начало искать свой аутентичный смысл. Естественно, оно могло появиться только в первом значении и сначала под «цивилизацией» понимался наивысший уровень развития, именно этот смысл и был инициативным, первичным. Европейская культура в эйфории от удачи в складывании нового культурного синтеза, именно его и обозначила как тот уровень общественного развития материальной и духовной культуры, связанный с разделением труда, рационализацией производства, потребления и распределения, формированием гражданского общества, к которому и должны стремиться все народы планеты. Именно так трактовал это понятие А. Фергюссон («Опыт истории гражданского общества», 1768), а впоследствии Л. Г. Морган и Ф. Энгельс.

Это была практически первая теоретическая разработка периодизации по трем периодам как стадиям развития: дикость, варварство и цивилизация, что свидетельствовало и о возникновении определенной классификации социально-исторических организмов и их достаточно четкой типологии, причем как типологии стадияльной. Это можно назвать первой нововременной концепцией мировой истории.

Л. Г. Морган в своем «Древнем обществе» (1877) разработал лишь две первые стадии, разделив каждую из них на три ступени (низшую, среднюю и высшую) и выделив признаки, характеризующие эти ступени. Цивилизации он фактически не касался.

В работе Ф. Энгельса «Происхождение, семья, частной собственности и государства» (1884) трехчленная периодизация истории человеческого общества превращается в двухчленную (дикость и варварство). Эта периодизация существует до сих пор.

Освальд Шпенглер в своем известном сочинении «Закат западного мира» (*Der Untergang des Abendlandes*, 2 тт., 1918–1922) развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов»,

выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл, длящийся около тысячелетия. Этих культур или, точнее, «органических» культурно-исторических типов восемь: египетская, индийская, вавилонская, китайская, аполлоновская (греко-римская), магическая (византийско-арабская), фаустовская (западноевропейская) и майя. Девятая – культура будущего, русско-сибирская. По его мнению, умирая, культура перерождается в свою противоположность – цивилизацию и умирает.

Появление такой трактовки понятия объясняется широко распространившимися в конце XIX в. пессимистическими настроениями в отношении будущего Европы. Достаточно вспомнить ленинское учение об империализме как стадии загнивания капитализма. На самом деле начинался невиданный доселе по своим масштабам процесс, получивший впоследствии название глобализации.

Устами О. Шпенглера «цивилизация» была обозначена как период агонии европейской культуры. Ф. Ницше торжественно объявил о смерти Бога, а К. Маркс вообще объявил его несуществующим. По инерции с судьбой культуры связывали именно религию, и ее уход воспринимался как момент смерти культуры в целом.

Это примеры крайностей, в которые общество попадает, когда впервые начинает работать с такого рода понятиями. Одновременно все же стали появляться достаточно оптимистические представления о сложном развитии культур. На протяжении того же XIX в. в цивилизации стали видеть не только высший уровень развития культуры или стадию агонии, но и своеобразный исторический феномен. Здесь определенную роль сыграл дарвинизм со своей сущностной ревизией библейских представлений о единовременном творении всего сущего. В определенном смысле теория Дарвина была перенесением на животный и растительный мир, а оттуда и на историю, идеи капиталистической экономической конкуренции. Мощное развитие получила и сама идея эволюционизма. Начиная с издания труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) эволюционизм фактически полностью сменяет креационизм и начинает играть его роль в развитии культуры, являясь методологической базой всех типов наук

Сторонники «замкнутых цивилизаций» фактически считали, что их может быть сколько угодно и «каждая культура находится в

непосредственной связи с Богом» (Л. фон Ранке). Г. Рюккерт в своем «Учебнике всемирной истории в органическом изложении» заявил, что «историческая действительность не может быть логически правильно расположена в виде одной линии». Любопытно, что именно в России фактически рождается представление о цивилизациях как пространственно-временных конструкциях (теория «культурно-исторических типов» как «действующих лиц истории» Н. Я. Данилевского, российские востоковеды первой половины XIX в. (О. Иакинф (Н. Я. Бичурин), архимандрит Петр Каменский, М. Н. Суровцов), Т. Н. Грановский), но наиболее четкое и аргументированное выражение такой подход нашел в работах Арнольда Тойнби.

Н. Я. Данилевский предложил, правда, тоже отталкиваясь от своей критики общечеловеческой культуры, концепцию культурно-исторического типа, состоящего из четырёх основ: религия, культура (наука, искусство, техника), политика, общественно-экономический уклад. А «ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»¹

12-томный труд «Постижение истории» (A Study of History, 1934-61) посвящен анализу возникновения, развития и умирания мировых цивилизаций. Тойнби выделял 21 цивилизацию, для которых характерны уникальные универсальные религии, мировые государства и философии (впоследствии — 36 цивилизаций и 5 «живых» цивилизаций третьего поколения). Цивилизация для него — это группа стран и народов, связанных общей судьбой и мировоззрением и она противопоставляется примитивным обществам. Причинами роста и развития цивилизации являются «вызов» и наличие творческого меньшинства.

Несмотря на то, что в трудах различных историков и философов это понимание нашло самую широкую поддержку, его все же, по большому счету, можно обвинить во все еще сохраняющемся просветительском понимании цивилизации как самого высокого уровня развития общества.

¹Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Романо-германскому. М., 1991, с. 92.

Между тем, здесь, вероятно, точнее будет средневековое понимание «мира» (рах). На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый «пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно назвать «материнскими» (христианский, мусульманский, буддийский, конфуцианский), оформлялись они с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины» («идите и несите всей твари на земле истину»). Именно на это обратил в свое время внимание К. Ясперс, выдвинувший идею «Осевого времени» и сделавший акцент лишь на двух параметрах этого процесса, — оформлении Текстов и появлении Учителей. В Европе завершился процесс антропогенезации вмещающего ландшафта (это, по определению Кульпина Э. С., — «жизненное пространство Человека хозяйствующего на уровне этноса и суперэтноса») и переход к пашенному земледелию, созданы «первый витраж, первый готический свод, первая героическая поэма» (М. Блок).

Но средневековые цивилизации — это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса, — складывание не только общецивилизационной парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Первоначальное распространение шло по освоенным ранее в рамках первых протомиров — «оазисов» пригодным землям за счет их объединения. Эти «материнские цивилизации» условно могут быть названы аграрными, ибо в них на первый план выходит земля как преимущественная сфера применения человеческого труда в области земледелия или скотоводства.

Именно история этих классических цивилизаций и дает возможность выделить наиболее характерные черты этой конструкции. При этом необходимо подчеркнуть, что методологический анализ их истории проводился, как правило, в европейской культуре, которая до сих пор пытается сочетать два подхода — конфессиональный и секулярный. Если до эпохи Возрождения «миром» считалось пространство Истины (отсюда миры именовались «христианским», «мусульманским», «буддийским и т. п.), то под влиянием широко распространившейся идеи научно-технического прогресса, в

«мире» стали видеть определенную стадию социального и технического прогресса. Эти два подхода кардинально разошлись именно в период эпохи Просвещения.

Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать не уровень развития того или иного общества. Такой подход был характерен для XVIII – начала XIX вв., когда на базе традиционной историко-культурной европейской парадигмы, основывающейся на эволюционном подходе, складывались первоначальные светские однолинейные теории развития (теория континуитета, марксизм, неэволюционизм, теории модернизации и др.). Впоследствии стал формироваться и широко распространяться цивилизационный подход, рассматривающий всемирную историю как результат взаимодействия отдельных культурных ареалов (Данилевский Н. Я., Шпенглер О., Тойнби А., Сорокин П. и др.).

Спор формационного и цивилизационного подходов, который происходит на наших глазах сейчас, на самом деле, всего лишь частный случай вечного их противостояния. Любое историческое явление необходимо смотреть по горизонтали (в пространстве) и вертикали (во времени). В рамках средневекового периода, когда активно шло становление «миров», этот процесс просматривался, прежде всего, во времени, «сверху вниз». Результатом явилась вертикальная модель истории и формационный подход как деление этой истории на значимые части (периоды, зоны, формации). Формационный марксистский подход в определенном смысле апогей и предел этого рассмотрения.

История отдельных периодов оценивалась с точки зрения их «вклада в историю», иначе говоря, значимости для нововременной культуры, но в итоге получалось порой так, что любая доиндустриальная, горизонтальная стадия в любой цивилизации стала именоваться пустой. Так у итальянских гуманистов и просветителей родилось презрение к «средним векам». «Историю этого времени, – считал Вольтер, – необходимо знать лишь для того, чтобы ее презирать».

Двадцатый век с подачи девятнадцатого, пытавшегося понять причины культурного шока, пережитого европейской культурой при встрече с «чужими» культурами в процессе колониальной и миссионерской экспансии XIV–XIX вв., стал смотреть «по горизонтали» и сравнивать европейский опыт строительства цивилизации с опытом иных миров.

Время показало, что это тоже была крайность, ибо даже это сравнение могло приводить к весьма неприятным результатам.

Одним из последствий этого стал разноречивый в понимании «цивилизации»:

«Цивилизация представляет собой некую культурную сущность...наивысшего ранга... самый широкий уровень культурной идентичности людей» (*Хантингтон С.*).

«Цивилизация — это совокупность материальных, политических и духовно-нравственных средств, которыми данное сообщество вооружает каждое поколение его членов, вступающих в состояние «взрослости», «дееспособности», «полноправия» (*Баре М.*).

«Цивилизация — мера развития общества, социума; культура — мера развития личности, а также системы ценностей и способа деятельности» (*Ланда В. Г.*).

«Цивилизация — это сообщество людей, объединенных основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющие устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу» (*Семенникова Л. И.*).

«Цивилизация — это исторически устойчивая совокупность этносов, имеющих письменность, государственность, связанных общностью ядерных социальных отношений, культурных традиций и идей» (*Розов Н. С.*).

Быть может, действительно все дело в том, что, по словам Ахиезера А. С., сама по себе «история человечества дает бесконечное разнообразие материала для формирования разнообразных классификационных схем цивилизаций».

Именно на этой основе стала формироваться и «покаянная» европейская литература, доказывавшая происхождение европейской средневековой культуры от исламского мира.

Необходимый симбиоз в некоторых своих чертах фиксируется к концу XX в., чему, вероятно, способствовала и ситуация активно идущей деидеологизации и конвергенции евразийских культур. Были выделены не только древние и средневековые цивилизации и начато их комплексное сравнительное изучение, но даже заговорили о некоторых зонах как цивилизационных, например, «кочевой цивилизации».

В итоге можно сказать, что «цивилизация» — это определенный «мир» как пространственно-временной культурный континуум, у которого, по словам О. Шпенглера, есть «своя

собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть».

Можно выделить и цивилизационные или «мировые» признаки, среди которых применительно к данной теме стоит отметить несколько особо важных.

Определенность исторического периода. Начало его фактически определил К. Ясперс, предложивший понятие «осевого времени» (Achsenzeit, 800—200 гг. до н. э.) и выделил несколько его признаков: растущая демифологизация, интеллектуализация, рост интереса к человеку, к индивиду, оживление культурных контактов, «человеческая экзистенция как история становится предметом размышлений», «возник тот человек, который существует сегодня» и др. Это и есть время зарождения «первичных» цивилизаций, образование которых произошло в ходе внутренних процессов и не было осложнено влиянием более развитых соседей.

В целом период существования классических цивилизаций определен самой историей. Римская, Византийская и Китайская империи целый ряд столетий боролись с «варварами». Renovatio («возрождение») как «возвращение в первобытное состояние», по мнению, скажем, итальянских гуманистов, состоится только к середине XVI в. Промежуточное время они и назовут «средними веками». В Китае «освободительная борьба» с «варварами» (кидзянями, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами) завершилась лишь в начале прошлого столетия. Здесь есть смысл увидеть еще одно из значений выражения «средние века», обозначающего, таким образом, помимо всего прочего, и время непосредственного взаимодействия двух цивилизационных зон (в Европе «романского» и «германского» начал, в Восточной Азии ханьского по происхождению Китая и «кочевых империй» тюрко-монгольского ареала).

В цивилизации найдет яркое отражение очень *своеобразное отношение к миру*, которое можно назвать «искусственным». Речь не идет о каком-то негативном значении этого выражения. Это — принцип и он находит свое выражение, прежде всего, в самой идее «строительства» нового мира, в постижении «воли Бога», любви как основе универсальной морали, цели истории как принятии «истины» и т. д. «Обратная» же сторона культуры будет богата революционными призывами и, в то же время, эстетическими утопиями, основывающимися на произвольном утверждении о том, что «красота спасет мир». Н. А. Бердяев был прав: феномен

«революционной культуры» в принципе невозможен, ее идея — «противоречие в определении» (*contradictio in adjecto*), как круглый квадрат. «Революционная» идея, акцент на свободе и интерес к ней доминирует в «цивилизационном вакууме», т. е. «на стыке» культур, когда вместо иерархии культур наблюдается их столпотворение, потому революции и объявляются впоследствии «локомотивами истории» и «звездными часами человечества».

«Цивилизация» сама себя «строит» и это искусственное отношение к миру и обществу надо не только развивать, но и контролировать, необходимо предвидеть все возможные последствия деяний отдельных «деятелей культуры».

Этот признак, вероятно, следует признать центральным, ибо именно он дает возможность отличить цивилизацию от иных природно-климатических и хозяйственно-культурных зон (охотников — собирателей Австралии или арктических охотников и рыболовов), которые ориентируются не на интенсивную, производящую, а экстенсивную, присваивающую экономику.

Специфическая «мировая религия», т. е. «религиозный» комплекс идей и рецептов, который объединяет этнические и социальные группы и маркирует цивилизацию, отличая ее от соседей («Бог» как «начало» «избранности» христианско-европейского мира). Не случайно термин *Religio* по одной версии, идущей от Цицерона, происходит от глаголов *religare, eligare* (связывать, соединять, выбирать). Ее великолепно дополняет вторая версия, по которой он происходит от глагола *relegere* (вновь собирать, достигать). Именно в начале той или иной цивилизации происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно-философских представлений.

В настоящее время под мировой религией понимается религиозное течение, распространенное среди народов различных стран и континентов (христианство, ислам, буддизм). Если говорить о средневековье, то первой базовой ее задачей было оформление культурно некоего мира, т. е. формирование для него соответствующей цивилизационной парадигмы. В то же время именно «мировая религия» претендовала на весь «мир», т. е. ойкумену и транслировала эту парадигму по вертикали (во времени) и горизонтали (в пространстве). Это предполагало уже тогда ряд ее особенностей:

Она не служила признаком национальной идентичности,
У нее была достаточно четкая философская база, с
направлениями, которые должны быть сходными,

Она оказывала влияние на ход развития мировой истории,
мирового искусства и пр.,

Ее культура не была абсолютно одинаковой во всех регионах.

Особая роль церкви, история которой начинается с деятельности «мудреца», «пророка» или «Бога». В Европе она начиналась мучениями Христа и закончится вторым пришествием. Она и есть царство Божье, в котором святые с Христом уже судят мир (Откр. 20:4), а в жизни и смерти Иисуса Христа история достигла своей наивысшей точки. Для отдельного же человека это период от «первого воскресения» (Откр. 20:5), то есть от возрождения души христианским крещением, до «второго воскресения» в дни Страшного суда.

Это особая стадия развития общества, когда возникает сложная социальная структура и начинают складываться трансрегиональные этнические и социальные группы. Они именуется в соответствии с образом жизни и занятиями (крестьяне, рыцари, клирики) или в зависимости от происхождения (франки — французы, англы — англичане), но появляется необходимость и для более общих универсальных обозначений. На смену этнонимам приходят *конфессионемы* (христиане, мусульмане, буддисты). В данном случае конфессионом «христиане» служил своеобразной социальной «рамкой», объединяющей пестрые этнические и социальные группы, долго сохранявшиеся транслокальные (германцы, франки) и складывающиеся трансрегиональные (феодалы, крестьяне и другие слои). Жизнь и судьба крупных человеческих организмов подчиняется уже не локальным традициям, а транснациональным интересам и правилам. Начинают вырабатываться такие понятия, как «человечество», «народ», которые приходят на смену «родам» и «племенам». Происходит включение во всемирную историю всех народов без различия этнической принадлежности при условии принятия ими «мировой религии». Естественно, что и в культуре происходят существенные трансформации, начинается так называемая сакрализация культуры, когда религия выходит на первый план и становится системообразующим фактором. У отдельного индивида не только расширяется культурный горизонт, когда в круг необходимых ему знаний входит

информация о других народах и странах, но и он сам поднимается до осознания своей сопричастности к судьбам всей «вселенной».

В период развития «цивилизаций» особую роль играют не социальные теории, а религиозные и философские системы, важнейшим моментом в которых является сложное понимание причинно-следственного порядка. Конфуцианство и христианство ярко демонстрирует возможность соединения в рамках одной конструкции и религиозных представлений и философских идей. Происходит разрыв этой цепочки: причины – прерогатива «Неба» («Бога»), а следствия проявляются в земной («профанной», «человеческой») жизни. В христианской традиции это нашло отражение в двух базовых идеях («догматах») цивилизации – креационизме («творении») и провиденциализме («промысле Божьем» как «помощи» человеку). Вся «история» – это не только период «исправления» человека, избавление от тяжести «первородного греха», но и время сложного взаимодействия «Бога» («Неба») и «Человека», «вызовов» Человека Богу (Небу) и ответных «реакций» Бога (Неба). Эта универсальная историософема провиденциализма впоследствии будет разветвляться и на ее основе возникнут и теория прогресса (регресса) и теория возрастов, что ярко выражено в философии Аврелия Августина (354-430) и Иоахима Флорского (1132-1202). Нужно отметить, однако, что здесь налицо определенное рода противоречие с базовым представлением, ибо смысл истории предполагает обязательно ее замкнутость во времени, тогда как признание бесконечного регресса или прогресса свидетельствует о ее бессмысленности.

Каждая из цивилизаций маркировалась тремя основными маркерами:

по названию титульного этноса, т. е. такого этноса, который играет роль собирателя земель и культура которого становится базовой (отсюда – китайский, славянский, индийский, франкский, арабский миры).

по господствующей мировой религии (отсюда – христианский, мусульманский, православный, буддийский, конфуцианский миры).

по языку (отсюда – латинский мир, китайский, арабский, индийский, русский).

Главным для маркирования цивилизации представляется выделить ее парадигму как алгоритм осмысления мира на основе определенных идей, взглядов и понятий. В этом значении термин

уже начал проникать в историческую науку в последние десятилетия предшествующего столетия.

Слово происходит от греч. Παράδειγμα («пример, модель, образец») и получило широкое распространение в гуманитарной сфере, особенно с конца 60-х годов XX в. — в грамматике и в философии и социологии науки для обозначения исходной концептуальной схемы, совокупности ценностей, методов и средств в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. Общеупотребительно представление о том, что смена парадигм представляет собой научную революцию и эволюционный переход. Часто говорят о парадигме социального поведения, т. е. форме понимания поведения человека в виде ответной реакции на внешние раздражители.

Парадигма европейской цивилизации в средневековый период, безусловно связана с религией и именно «религиозные» идеи (Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Вера, Истина, Завет Бога с Человеком как цель космического бытия, Загробное воздаяние, Церковь, Заповедь, Декалог, Библия и др.) определяют стратегию развития цивилизации и ее отличие. Разумеется, эти идеи рано или поздно выходят за пределы цивилизационного круга, но и по происхождению, и по специфике понимания принадлежат только ему.

Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулированы уже в Пятикнижии Моисеевом (Торе). Любопытно, как сформулированы основные задачи Торы как Закона, т. е. базового текста цивилизации: равновесие общества и окружающей среды и стабильность в обществе («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» — Втор 6: 24). В тоже время, в цивилизационной парадигме и Библии содержатся и многие другие «духовные, морально-этические и идеологические истоки западной цивилизации». Действительно, там впервые появляется множество понятий, которыми мы пользуемся до сих пор (новый, индивидуальный, личность, история, свобода, дух, справедливость, время, вера).

Необходимо также учитывать и другие составляющие цивилизационной конструкции, связанные с геополитическими реалиями и экономикой. Модель цивилизации можно выразить дробью, где в числителе находится парадигма, а в знаменателе эмпирические конструкции, прежде всего государство.

В любой цивилизации можно выделить две зоны — геополитическое «ядро» и этнокультурную периферию. Ислам делит весь мир на «область мира» (принятой истины) и «область войны» (место, где истина еще не принята). Аврелий Августин выделял две зоны — в одной «истину знали и хотели знать», в другой «истину не знали, но хотели знать».

Под «ядром» в данном случае есть смысл подразумевать регион, характеризующийся относительной этнической, государственной, политической, экономической и культурной гомогенностью и стабильностью, под «периферией» — располагающиеся вокруг этносы и субэтносы, развитие которых связано с близкими, но и несколько иными характеристиками (более низкий уровень или лежащая в основе иная экономика) и не отличается необходимой устойчивостью и однородностью. Но обязательной особенностью периферии является идейно-культурная и экономическая близость с центром. Самое яркое выражение эта модель нашла на «плечах» Евразии, в Европе и Китае, где существовали империи в «центре» ойкумены («Средиземное море», «Срединное государство» в междуречье Хуанхэ и Янцзы) и «варвары». В этих центрах зарождается и оформляется цивилизационная парадигма и из этих «островов» она идет до границ периферии.

Границы культурной периферии неопределенны, границы же «ядра» достаточно четки. На Западе «ядерная» зона была ограничена пустынями, морями и «римскими валами», в Китае — морями, Гималаями и Великой стеной. Зона же влияния христианской культуры в средние века доходила до Урала, китайской — до берегов Северного Ледовитого океана. Если сравнить с некоторыми современными представлениями о человеке, то можно говорить о «физическом теле» цивилизации и «астральном».

Сказанное можно проиллюстрировать таким примером. Аврелий Августин когда-то разделил все человечество в зависимости от отношения к Истине на четыре категории:

1. знают Истину и хотят ее знать,
2. не знают Истину и хотят ее знать,
3. знают Истину и не хотят ее знать,
4. не знают Истину и не хотят ее знать.

В данной классификации можно увидеть путь, которая должна пройти Истина, т. е. зародившаяся цивилизационная парадигма, и фактически указаны четыре зоны, в которых Истина

должна распространяться, указаны их особенности и те трудности, с которыми Истине придется столкнуться.

Первая — это зона возникновения Истины. Уже здесь видно, что зона — это пространственно-временная конструкция. В «горизонтальном» смысле — прежде всего «Земля Обетованная», иначе говоря, место, где новая Истина была «зачата» от своих родителей (иудаизма и эллинизма) и «рождена» (Павел). «Родовые муки» новой Истины станут результатом деятельности группы Христа. В «вертикальном» смысле — это «малые сии», т. е. социальные низы, ибо именно среди них любые эмпирические изменения происходят раньше всего и чувствуются особенно болезненно. Любая истина движется не только в пространстве и, доходя до территории иной парадигмы, теряет свой потенциал. Начинается более усиленное ее движение снизу вверх и на самой верхушке социальной лестнице она также теряет свой потенциал. На смену ей снизу идет другой «пузырек воздуха свободы».

Вторая — зона, где Истину ждут, как ждут рождения ребенка. Здесь ее родные и близкие — те народы и культуры, которые думали в том же направлении, что-то давали для этой новой истины или пытались создать такие идейные конструкции, которые еще будут долго бороться с новорожденной. Прежде чем эта Истина будет объявлена престолонаследницей, много прольется слов, слез и крови. В данном случае — это Средиземноморье и его «варварская» периферия, где проживают близкие и дальние родственники младенца — иудаизм, греческая и римская культура, представления разного рода «варваров». И здесь же появляются другие претенденты «на трон» — гностицизм, неоплатонизм, митраизм, манихейство. Люди ждут новорожденную, надеются на нее, но и выжидают, пока она не встанет на ноги. И тогда придет новый Иоанн Креститель и объявит о ее совершеннолетию (Августин). И здесь продолжается движение по горизонтали и вертикали.

Но вот Истина освоилась в своем доме, обжилась и пытается выйти на «улицу», куда выходят «дома» других культур и цивилизаций. И здесь сталкивается со своим сварливым родственником — исламом. Он хорошо знает дела в европейском доме, когда-то жил в нем, но завел свою «семью», у него с тех пор свои представления о жизни и о тех порядках, которые все еще так любимы христианами. Он «знает Истину», но не хочет ее знать и, тем более, следовать ей. Это — третья зона. Истина пытается пройти через нее, но занимается этим уже не с помощью апостолов

(те проповедовали истину тем, кто ее ждал и желал), а с помощью миссионеров, которым приходится дискутировать, спорить и доказывать свою правоту чуждым по своим воззрениям народам.

С четвертой зоной христианство начнет иметь дело с эпохи Великих Географических открытий, когда столкнется с самобытными и не менее великими цивилизациями, чем христианская (конфуцианский и буддийский миры). У них есть своя «истина» (парадигма) и они не хотят знать христианскую. Правда, будущее показывает, что на самом деле любая цивилизационная парадигма так или иначе оказывает сильное влияние на другие «миры». В новое время христианство и европейские идеи нанесли ряд сокрушительнейших ударов по азиатским, африканским и американским культурам, в новейшее время уже сама Европа подверглась их воздействию, результаты которого некоторые европейские мыслители оценивают как самые печальные в своей истории.

История любой религии часто бывает интереснее самой религии и дело здесь не в каких-то сплетнях, обвинениях или, наоборот, рассказах о чудесах и духовных подвигах, которые неизбежно сопровождают эволюцию христианства или ислама. Религия всегда воспринималась как нечто необычное и даже сверхразумное. С ней связывали смысл жизни, как отдельного человека, так и всего человечества. Ее история фактически ненамного моложе самого человечества. Если ее не принимали, то боролись с ней как с самым большим и опасным врагом. Итальянские гуманисты сами провозгласили себя титанами-богоборцами, советские атеисты ставили перед собой цель полного уничтожения религии, обвинив ее, по сути, в том, что была самым страшным врагом человечества, поработившим не только тело, но и душу человека.

Двойственное, амбивалентное отношение к религии сопровождало ее на протяжении всей ее истории. Ее либо идеализировали, либо объявляли «опиумом для народа», либо самонадеянно заявляли: «Gott ist tot». Это слова Ф. Ницше из его «Веселой науки». В непосредственном контексте звучит еще более кощунственно и трагично: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смоет с нас эту кровь?»; «Бог мертв: но такова природа людей, что еще тысячелетиями,

возможно, будут существовать пещеры, в которых показывают его тень. — И мы — мы должны победить еще и его тень!»

Причин такого неоднозначного отношения к религии, разумеется, немало, но в любом случае это связано с ее особой ролью в истории. Действительно, с ней либо связывали, либо было связано все самое великое и самое ничтожное, парадоксальное и примитивное, эффективное и беспомощное, высоконравственное и безнравственное, практичное и непрактичное. Основатели мировых религий всегда воспринимались масштабно и были в сознании людей либо «великими учителями человечества», либо «великими обманщиками». Равнодушно к ним никто не относился. Им поклонялись как богам или ниспровергали как лжебогов. Кто-то отрицает религиозные тексты как «лабуду», в которую нормальный человек никогда не поверит, а кто-то без них жить не может. Это не просто две крайности, — это две мировоззренческие позиции. Посредине разве что только стерильное равнодушие.

И потом, чем может христианин Августин помочь атеисту Марксу? Чем нам, особенно в наш «вывихнутый» век может помочь религия или какой-либо священный текст?! Мы привыкли считать, что у разных эпох разные задачи, разные эпохи интересуют разное и очень боимся навязать им наше мнение (модернизация) или свести все наши размышления о той эпохе к ее самовосприятию (архаизация).

«Пришли иные времена...!» Идут процессы, совершенно немислимые ни в «древности», ни в «средние века», когда Библия или Коран помогали решать те или иные проблемы в обществе или сознании человека. Конечно, христианство или ислам и их «книги» глубоко проникли в сознание и все же мы пытаемся все чаще и чаще заменять их на «языческие» тексты, на языческих богов, писать фэнтэзи, читать фантастику. В евро-американском, христианском по происхождению и культуре, мире в настоящее время Библию читают мало. Именно Запад, как это ни парадоксально звучит, наиболее атеистичен из всех человеческих сообществ, ибо из христианства благодаря рационализму и практически ориентированной морали во многом ушло эмоциональное отношение к религии и религиозные критерии оценки поступков людей. Сказывается на этом и то, что изменилось в западном обществе отношение к чтению. В самом современном чтении есть какое-то потребительское отношение к книге. Вспоминается горьковское «Любите книгу — источник знания!» А если она нечто большее?! Люди любят книги как конфеты и

«пробуют» все подряд. И аллергия их мучает и проблемы с «душеварительным трактом», но отдохнут и снова читают. Зачем??? Должен же быть какой-то смысл во всем этом! От нечего делать читают книги, от нечего делать разгадывают кроссворды — ведь это все не больше, чем просто интеллектуальный онанизм, в лучшем случае, плацебо. Люди стали предпочитать чтение газет чтению книг. По некоторым данным на десять читателей газет приходится от одного до двух читателей книг. Количество же вообще читающих и не читающих примерно равное. Библию же невозможно читать как газету или роман. На Западе от книг ждут увлекательности, но Библия этому требованию совершенно не соответствует.

Культура развивается как-то стихийно, как стихийен и сам капитализм. А в результате трудно не согласиться с К. Марксом в том, что «культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно...оставляет после себя пустыню». Единственное явное изменение за последнее время — это замена преимущественно физического труда на преимущественно умственный, но одним из результатов этого стало то, что изменилась и форма переутомления: вместо физической усталости — издерганные нервы. Складывается новый тип «эксплуатируемого» человека, который поработен компьютером и вынужден обслуживать информационные потоки в ущерб собственному личностному развитию. Двадцатый век — век вздорный, невоспитанный, временами даже хамский. Какая-то непонятная рокировка слова и звука произошла в этом веке. Понятно, слово стало неважным, ему перестали верить, но откуда интерес к хаосу, к потоку сознания?! И в литературе преобладает «что вижу, то пою»... Вероятно, обществу в целом это нужнее. Прошло время, когда люди тянулись к книге за советом и помощью, пришло время, когда сама книга стала клоуном и развлекает всех как коверный рыжий.

Но, может, потому и вечны священные тексты, что они говорят о вечных проблемах человека, которые научно-технический прогресс до сих пор не решил и, похоже, не торопится решать?!

Нет, мы пытаемся как-то влиять на этот процесс. Вероятно, с того самого времени, когда вместо коротких записок и заметок для памяти стали появляться обширные тексты-рассуждения, появилась и сама эта проблема выбора среди нарастающей массы рукописной продукции наиболее важного, наиболее интересного,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru